

Атаев Таулан Иосифович

ДИСКРИМИНАЦИОННЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ ЛИШЕНЦЕВ В ВОЕННОЙ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СФЕРАХ В 1920-1930-Е ГГ. (НА МАТЕРИАЛАХ КАРАЧАЕВСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ)

В статье рассматриваются меры социальной и правовой дискриминации, применявшиеся советскими властями в отношении лиц, лишенных избирательных прав (лишенцев), в 1920-1930-х гг., а также последствия проведения данной политики. В центре внимания автора - вопросы, связанные с запрещением лишенцам и представителям их семей служить в Красной Армии, а также с ограничениями, наложенными на них в сфере доступа к образованию.

В статье отмечается, что описываемые дискриминационные меры оказали значительное социально-экономическое воздействие как на самих лишенцев, так и на развитие всего общества в целом.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/2/6.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 2 (64). С. 33-36. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 93/94

Исторические науки и археология

В статье рассматриваются меры социальной и правовой дискриминации, применявшиеся советскими властями в отношении лиц, лишенных избирательных прав (лишенцев), в 1920-1930-х гг., а также последствия проведения данной политики. В центре внимания автора – вопросы, связанные с запрещением лишенцам и представителям их семей служить в Красной Армии, а также с ограничениями, наложенными на них в сфере доступа к образованию. В статье отмечается, что описываемые дискриминационные меры оказали значительное социально-экономическое воздействие как на самих лишенцев, так и на развитие всего общества в целом.

Ключевые слова и фразы: советы; лишенцы; дискриминация; Карачай; лишение избирательных прав; Конституция; военная служба; образование.

Атаев Таулан Иосифович

*Карачаево-Черкесский государственный университет имени У. Д. Алиева
r_begeul@mail.ru*

**ДИСКРИМИНАЦИОННЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ ЛИШЕНЦЕВ
В ВОЕННОЙ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СФЕРАХ В 1920-1930-Е ГГ.
(НА МАТЕРИАЛАХ КАРАЧАЕВСКОЙ АВТНОМНОЙ ОБЛАСТИ)**

В первые десятилетия советской власти (официально до 1936 г.) на законодательном уровне были закреплены меры социальной дискриминации в отношении ряда лиц (представители аристократии, духовенства, офицерского корпуса императорской и белой армий, полиции и др.), считавшихся потенциально опасными и социально чуждыми элементами. В частности, упомянутые категории граждан лишались пассивного и активного избирательного права, приобретая статус «лишенца». Однако лишение избирательных прав в условиях советской действительности влекло за собой и целый ряд других ограничений, в значительной степени формировавших из лиц, подпавших под данную меру социальной дискриминации, изгоев и маргиналов.

Серьезным ущемлением прав лишенцев являлся запрет на службу в Красной Армии. Еще в период организации РККА, 20 июля 1918 г., СНК принял декрет «О призыве в тыловое ополчение лиц, не подлежащих призыву в Красную Армию». В их числе были указаны практически все категории граждан, лишаемых избирательных прав по 65-й статье Конституции (кроме осужденных и умалишенных). В условиях тогдашней советской действительности с ее мощной пропагандистской машиной служба в армии расценивалась абсолютным большинством жителей страны как форма высшего доверия государства и священная обязанность. И потому запрет на службу в армии являлся одной из тех дискриминационных мер, которые тяжело переносились молодым поколением лишенцев.

В первой редакции союзного закона «Об обязательной военной службе», принятого 18 сентября 1925 г., уже во втором предложении было ясно указано: «Оборона Союза ССР с оружием в руках осуществляется только трудящимися. На нетрудовые элементы возлагается отправление иных военных обязанностей» [15, ст. 1]. В последнем же разделе закона говорилось о том, что лишенцы, а также граждане, лишенные прав по суду или административно высланные, должны были составлять тыловое ополчение. Срок состояния в нем равнялся 21-му году – с 19-ти до 40-ка лет. При этом, в отличие от призываемых на действительную службу, ополченцы не пользовались «никакими отсрочками и правом на льготы по семейно-имущественному положению» [Там же, ст. 224]. В мирное время служившие в ополчении должны были отправлять особые повинности.

Новый закон «Об обязательной военной службе», изданный 8 августа 1928 г., вновь возлагал на «нетрудовые элементы» «выполнение иных обязанностей по обслуживанию обороны Союза ССР» [14, ст. 1] в составе тылового ополчения. Однако важным отличием нового закона было то, что состав ополченцев пополняли теперь исключительно лишенцы. Причем в мирное время они были обязаны уплачивать особый военный налог.

Согласно Постановлению ЦИК и СНК СССР от 13 января 1930 г., «специальным военным налогом» в мирное время облагались все граждане, зачисленные в тыловое ополчение. Он взимался ежегодно «с того окладного года, в течение которого гражданин зачислен в тыловое ополчение, до того окладного года включительно, в течение которого ему исполнится 27 лет». В дальнейшем военный налог взимался ещё два раза – по достижении гражданином 33-х и 39-ти лет соответственно [7, ст. 77].

25 января 1932 г. Постановлением СНК СССР ополченцы, которые в течение того времени, когда их сверстники трудящиеся служили в армии, не привлекались «вовсе к работам, установленным для них вместо военной службы, или привлекались на срок менее трех лет, уплачивали налог в течение одного года за каждые неотработанные полгода» [9, ст. 41].

Карачаевцы, как и все горцы-мусульмане Северного Кавказа, до революции не подлежали призыву на воинскую службу. Первые несколько лет советской власти данное положение сохранялось. Однако уже в середине 1920-х гг. государством были предприняты попытки привлечения горцев к военной службе. С 1928 г. карачаевцев стали призывать на общих основаниях в ряды РККА. Однако, как и везде по стране, лишенцы не подлежали призыву и платили особый налог. Один из юных лишенцев того времени, И. Ч. Байчоров, вспоминал, что его попытки поступить на военную службу так и не увенчались успехом [4].

Многие молодые лишенцы очень остро воспринимали запрет на прохождение действительной военной службы. Часто именно это обстоятельство становилось доминирующим при возбуждении ходатайства о восстановлении в избирательных правах.

Зависимость действительной военной службы граждан от наличия у них избирательных прав имела и обратную направленность. Иногда свидетельство о добросовестной службе в частях Красной Армии становилось решающим обстоятельством при восстановлении человека в избирательных правах. Так, горянка из с. Верхняя Теберда У. Чомаева, лишенная прав как жена сосланного участника антиколхозного восстания 1930 г., в своем письме прокурору Карачаевской автономной области (КАО) писала: «Заявляю, что на основании нахождения моего сына Зулкарная Чомаева на действительной военной службе в рядах Красной Армии, я должна освободиться от повинностей, по крайней мере, на половину» [3, д. 449, л. 4]. Рассмотрев заявление У. Чомаевой, одной воспитывавшей 8 несовершеннолетних детей, областная избирательная комиссия своим решением 3 марта 1931 г. восстановила ее в правах «как середнячку, сын служит в Красной армии» [Там же, л. 1 – 1 об.].

Одним из важнейших последствий «лишенчества» было ограничение в правах, наряду с главой семьи, всех членов его семьи. В отношении подрастающего поколения это проявлялось в лишении права на получение среднего специального и высшего образования, отказе в принятии в ряды детских и юношеских организаций (пионеры, комсомол) и других общественных структур. Учитывая, что именно подобные организации являлись своеобразным «социальным лифтом» для граждан СССР, нетрудно представить все последствия данной дискриминационной меры, отлучавшей семью лишенцев от возможности занять более-менее значимое место в советском обществе. Ведь, как отмечали региональные авторы советского периода: «Нужно было создать новую, социалистическую интеллигенцию, преданную делу рабочего класса. Малочисленная карачаевская интеллигенция состояла в основном из узкого круга деятелей науки и культуры. Некоторая ее часть была настроена националистически» [5, с. 156].

К числу наиболее чувствительных ограничений относилось лишение лиц, подвергшихся социальной дискриминации, и членов их семьи права на получение образования (за исключением начального). Законодательно запрета на получение ими среднего и начального образования не существовало. Однако, чаще всего, многие руководители образовательных учреждений под различными предложениями (в основном, в связи с нехваткой мест) пытались не допустить детей лишенцев на учебу. В ряде регионов были официально введены подобные ограничения для учеников, чьи родители были лишены избирательных прав.

5 января 1929 г. бюро обкома ВКП(б) КАО рассмотрело вопрос «О детях кулаков и лишенных избирательных прав, находящихся в школах 1-й ступени». По итогам обсуждения бюро решило: «Признать нецелесообразным исключение в данный момент из школ 1-й ступени детей лишенных избирательных прав во время переыборной кампании». Заведующему областным отделом образования М. Коркмазову было предложено «не позже апреля проанализировать весь состав учащихся школ 1-й ступени и с точки зрения социального состава учащихся, и сколько имеется детей из семейств лишенцев, и в каких группах, и результаты доложить на бюро» [11, д. 25, л. 6].

Инициатива с мест, шедшая вразрез с действовавшим общесоюзным законодательством, заставила центральные власти прояснить ситуацию. 27 апреля 1929 г. СНК РСФСР было издано Постановление, «запрещающее исключать из школ детей лишенцев» [10, с. 295].

Однако уже в начале 1930 г. дискриминация по социальному признаку среди учащихся была продолжена. Была введена плата за обучение в средних и начальных учебных заведениях. Причем, если в городах за образование своих детей должны были платить все граждане, то на селе плата за обучение устанавливалась лишь для лиц, живущих на нетрудовой доход, духовенства и лиц, лишенных избирательных прав.

Очередной виток преследований, наряду с насильственной коллективизацией, вызвал резкое недовольство крестьянства, вследствие чего, в рамках вынужденных уступок, руководство СССР приняло ряд документов, облегчавших положение детей лишенцев. Так, Постановлением ЦИК от 26 февраля 1930 г. было запрещено исключать детей лишенцев из школ или не принимать их в дошкольные начальные и средние учебные заведения, взимать с них повышенную плату за обучение. Постановление ЦИК СССР от 22 марта, посвященное борьбе с нарушениями избирательного законодательства, также предполагало прекращение исключения детей лишенцев из школ [8, ст. 212]. Однако на местах данные документы практически игнорировались и периодически чистки по социальному признаку продолжались.

По воспоминаниям детей лишенцев, подобная практика имела место и в Карачаевской автономной области. Уроженец селения Тебердинского Исмаил Байчоров (1917 г.р.) свидетельствовал о том, что он, а также его братья и сестры в конце 1920-х – начале 1930-х гг. подвергались в школе постоянным унижениям как дети «лишонов» (карачаевская транскрипция слова «лишенец»). Причиной внесения семьи Байчоровых в список лиц, подвергшихся социальной дискриминации, были доставшиеся в наследство от деда – офицера царской армии – земельные угодья. Полученные Ожамом Байчоровым за верную службу российскому государству 300 десятин земли впоследствии были разделены между его 4 сыновьями, а, в дальнейшем, и между внуками. Учитывая традиционную многодетность горских семей того времени (у Исмаила Байчорова было два брата и шесть сестер), нетрудно представить, что земельный надел на душу населения в их хозяйствах не превышал трудовой нормы даже по советскому законодательству. Тем не менее, практически все потомки О. Байчорова, в том числе и те из них, кто работал в органах власти и советских учреждениях, регулярно лишались избирательных прав и были вынуждены доказывать свою лояльность режиму снова и снова. Упомянувшийся выше Исмаил Байчоров, отстраненный от учебы в старших классах Тебердинской неполной средней школы, пытался поступить в сельхозтехникум, однако не был принят в связи с письмом из сельского совета, обвинившего его в самовольном уходе из села [4].

Отказано было детям лишенцев и в той незначительной социальной помощи, которая поступала в местные школы в конце 1920-х гг. Об этом свидетельствует Л. К. Чотчаева (1919-2005), дочь лишенца (владельца дачи) из с. Курорт-Теберда. Она вспоминала один эпизод – когда всем детям в ее классе раздавались присланные из областного центра детские полубубки, ей и Бекмырзе Крымшамхалову (сыну расстрелянного князя, царского

и белого офицера) в этом было отказано. Кроме того, некоторые педагоги специально натравливали на них детей из «правильных» семей, тем самым провоцируя конфликты в детской среде [1, кас. 14]. Нет нужды говорить о том уроне для детской психики, который наносили подобные проявления социальной сегрегации в стране, официально именуемой «страной равных возможностей».

Если в начальной и средней школе дети лишенцев еще могли рассчитывать на снисхождение местных органов власти, то учеба в техникумах и вузах была для них неосуществимой мечтой. Настойчиво возвращая новую элиту из числа городского пролетариата и люмпенизированного крестьянства, преданного советской власти, государственные органы подавляли любые попытки представителей бывшей элиты получить образование, дающее возможность сделать карьеру в условиях социалистического общества.

Уже с 1921 г. в стране был установлен «классовый принцип» приёма на учебу, при котором абитуриенты должны были соответствовать требованиям «социального отбора». Современные исследователи отмечают, что «наиболее последовательно в масштабе всей страны “классовые приемы” проводились с 1922 г.» [2, с. 188]. В Карачае в период относительной демократизации в эпоху нэпа в первой половине 1920-х гг. был послан на учебу в вузы и ссузы страны ряд лиц, по социальному признаку не «достойных этого». Известно, что в 1924-1925 гг. в институтах Москвы, Ленинграда, Ростова-на-Дону и других городов училось 129 горцев – уроженцев Карачаево-Черкесии, в том числе 66 карачаевцев [6, с. 41].

Свертывание нэпа, начало массовых чисток в партийно-советских и хозяйственных органах поставили на повестку дня перед местным руководством КАО вопрос о социальном составе абитуриентов области. Бюро обкома партии, рассмотрев на заседании 25 августа 1928 г. доклад начальника местного отдела ОГПУ К. Лициса по данной теме, приняло следующее решение: «Снять с учебных заведений как чуждых элементов (кулаки-лишенцы, контрреволюционеры, помещики, торговцы и т.д.) 41 студента: Ростовский рабфак – 10 человек, Кубанский рабфак – 6, Владикавказский педтехникум – 3, Ленинградский рабфак – 2, Симферопольский татарский педтехникум – 1, Армавирский педтехникум – 1, Владикавказский медрабфак – 1, Ростовский Комвуз – 1, Совпартшкола – 2, Владикавказский индустриальный техникум – 3, Иваново-Вознесенский рабфак – 4, Московский рабфак – 2, Крымский рабфак – 1, Педтехникум КАО – 1, Симферопольский рабфак – 1, КУТВ – 1, Ростовский медфак – 1» [11, д. 17, л. 27].

Студенты, сумевшие скрыть свою принадлежность к семье лишенцев при поступлении, могли быть отчислены во время очередной «чистки» вуза от «социально-чуждых» элементов. При этом нередко сведения о «нетрудовом» происхождении тех или иных обучающихся в органы власти и руководству вузов поступали от их односельчан или соседей. Так, К. Б. Хубиева (Крымшамхалова) (1922-2009), уроженка курорта Теберда, вспоминала, что членов ее семьи не принимали в пионеры и комсомол. Когда же старшие сестры в начале 1930-х гг. поступили учиться на рабфак в административном центре Карачаевской АО – Микоян-Шахаре, то вскоре после начала учебы были отчислены с формулировкой «как чуждые элементы, дети лишенцев» [1, кас. 11]. Виной тому было не столько социальное положение семьи, сколько ее происхождение – Крымшамхаловы являлись наиболее влиятельным княжеским родом в Карачае и правили регионом до вхождения в состав Российской империи.

И. Ч. Байчоров, будучи выходцем из семьи лишенцев, несмотря на недобор, не был принят на учебу в педагогический техникум [4]. Лишь благодаря помощи земляка – известного партийного работника И. Х. Байкулова – смог поступить в педтехникум сын лишенца-дачевладельца из курортного поселка Теберда У. Б. Алиев, ставший впоследствии первым карачаевцем, получившим ученую степень доктора филологических наук [13, с. 54].

Репрессивным мерам подвергались и те представители местной партийно-советской элиты, кто осмеливался оказать помощь лишенцам. Так, в январе 1928 г. строгий выговор был объявлен одному из главных организаторов советской власти в регионе Им. Хубиеву, который дал рекомендацию «кулаку Кубанову для поступления в высшее учебное заведение» [12, д. 11, л. 10].

Аналогичному взысканию в 1931 г. подвергся житель с. Новый Карачай А. Лайпанов «за дачу положительного отзыва совместно с другими коммунистами аула чуждому элементу Тоторкулову Добаю», а в 1932 г. – «за прием в СОЗ чужака Тоторкулова Хызыра» [Там же, л. 16].

С 1930 г. в анкетах, заполняемых при поступлении в вузы, появился пункт следующего содержания: «Под личную ответственность поступающий в вуз должен указать о нелишении избирательных прав, как его самого, так и членов его семьи».

Но некоторые из студентов, отчисленные из-за отсутствия права голоса у них самих или у их родителей, возвращались на учебу. Для своего восстановления им приходилось доказывать, что они либо не поддерживают связи со своими родителями, либо последние умерли, либо отец, мать или близкие родственники сменили род деятельности, благодаря чему перешли в разряд «трудовых» сословий. Учитывались также активная общественная деятельность и «правильные» политические взгляды студента.

Ограничение для выходцев из семьи лишенцев на поступление в вузы и техникумы было отменено Постановлением ЦИК и СНК СССР от 29.12.1935 г., лишь за год до принятия новой советской Конституции 1936 г., положившей конец практике лишения прав по социальному признаку.

Таким образом, дискриминационные меры в отношении лишенцев, касавшиеся, в частности, ограничений на службу в армии и получения образования, в значительной степени повлияли на социальное положение части населения в Карачаевской автономной области. Лишь небольшой части лишенцев и членов их семей удалось хоть как-то адаптироваться к новой советской действительности. Значительная их часть превратилась в маргиналов и изгоев общества, враждебно настроенных против Советов. Они нередко принимали участие в антисоветских мероприятиях, подвергались репрессиям со стороны властей. Даже после формальной отмены правовых ограничений в 1935-1936 гг. именно представители категории «лишенцев» в Карачае составили одну из самых многочисленных групп жертв большого террора 1937-1938 гг.

Список литературы

1. **Архив Карачаевского научно-исследовательского института.** Ф. 15 (аудиозаписи). Оп. 1.
2. **Волков С. В.** Интеллектуальный слой в советском обществе. М., 1999. 250 с.
3. **Государственный архив Карачаево-Черкесской Республики.** Ф. Р-307. Оп. 2.
4. **Джаубаева А.** Но в этом мире все возвращается по кругу... // День республики. 2011. 8 октября.
5. **Калмыков И. Х., Добагов И. К.** Претворение в жизнь ленинского плана культурной революции в Карачаево-Черкесии // По Ленинским заветам: сборник статей / под ред. К. И. Чомаева. Черкесск: Кар.-Черк. отд.-е Ставр. кн. изд-ва, 1970. 280 с.
6. **Карданова А. Х.** Интернациональная помощь народам Карачаево-Черкесии в начальный период строительства социализма // Великий Октябрь в судьбах народов Карачаево-Черкесии: мат-лы науч. конф., посвященной 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции (г. Черкесск, 4 ноября 1987 г.) / отв. ред. М. М. Бекижев. Черкесск: КЧИГИ, 1989. С. 27-42.
7. **Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР. 1924-1936 (СЗР).** 1930. № 7.
8. **СЗР.** 1930. № 19.
9. **СЗР.** 1932. № 7.
10. **Фицпатрик Ш.** Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М., 2001. 336 с.
11. **Центр документации новейшей истории Государственного архива Карачаево-Черкесской Республики (ЦДНИ ГА КЧР).** Ф. П-45. Оп. 1.
12. **ЦДНИ ГА КЧР.** Ф. П-364. Оп. 1.
13. **Я сын твой, Теберда** / сост. С. У. Алиева. М., 2006. 360 с.
14. <http://www.bestpravo.ru/sssrgn-gosudarstvo/a7r.htm> (дата обращения: 25.01.2016).
15. <https://www.lawmix.ru/sssrgn/16616> (дата обращения: 25.01.2016).

**DISCRIMINATORY RESTRICTIONS OF DISENFRANCHISED PEOPLE
IN MILITARY AND EDUCATIONAL SPHERES IN THE 1920-1930S
(BY THE MATERIALS OF THE KARACHAY AUTONOMOUS REGION)**

Ataev Taulan Iosifovich

*Karachay-Circassian State University named after U. D. Aliev
r_begeul@mail.ru*

The article deals with the measures of social and legal discrimination that were taken by Soviet authorities against disfranchised people in the 1920-1930s and the consequences of this policy realization. The author focuses on the issues related to the prohibition for disfranchised people and members of their families to serve in the Red Army, as well as to the restrictions imposed on them in the sphere of access to education. It is noted that the described discriminatory measures had a significant social and economic impact both on the disfranchised and on the development of the society as a whole.

Key words and phrases: Soviets; disfranchised people; discrimination; Karachay; disfranchisement; Constitution; military service; education.

УДК 7.091.5

Искусствоведение

В статье анализируются постановки шекспировского «Макбета» в двух ведущих театрах: Академическом театре имени Ленсовета и Театре-фестивале «Балтийский дом». Дается сравнение различных режиссерских интерпретаций и подходов к сценическому освоению текста драматурга. Особое внимание уделено трудностям отношений современных режиссеров с драматургией Шекспира. Вскрывая «узкие» места работы режиссера с Шекспиром, автор характеризует общие подходы к драматургическому материалу, определяет методологию постановок и их отношение к современности.

Ключевые слова и фразы: Шекспир; Макбет; «великая трагедия»; театр; постановка пьес Шекспира; мизансцена; поэтический образ.

Баканов Денис Валерьевич

*Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов
deny234@mail.ru*

ЧТО РЕЖИССЕР В ГРЯДУЩЕМ НАМ ГОТОВИТ?

*Вы собираетесь играть на мне.
Вы приписываете себе знание моих клапанов.
Вы уверены, что выжмете из меня голос моей тайны.
У. Шекспир. Гамлет*

Уникальность трагедий У. Шекспира заключена не только в ярких и острых столкновениях личности и общества, но и во внутренних противоречиях героя. Многогранность и психологическая объемность созданных